

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1919–1938 гг.)

В статье показано количество национальных воинских формирований, их интернациональный характер по формам и методам комплектования, по организации и структуре. Подтверждается, что ни одна из составляющих Советское государство республик не стояла в стороне от создания Красной армии, которая представляла многонациональную среду.

В современных условиях возрождения в России национальных школ, народной культуры и педагогики, роста напряженности в межнациональных отношениях изучение исторического опыта формирования национальных подразделений и частей, военно-учебных заведений Красной армии в межвоенный период приобретает особое значение.

Процесс национального самоопределения, возвращение каждого отдельного народа к его корням и истокам требует глубоких и всесторонних исследований проблем военного строительства, реформирования Вооруженных сил России, что невозможно без осмысления исторического опыта, накопленного предшествующими поколениями. В годы Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке создаются национальные воинские формирования, представляющие собой отдельные подразделения, части, комплектуемые преимущественно из граждан одной национальности.

Создание национальных подразделений и частей в Сибири и на Дальнем Востоке имело свою специфику. Здесь зарождение национальных отрядов и частей происходило в условиях ожесточенной Гражданской войны. Весьма значительную роль в составе 5-й Армии Восточного фронта играли так называемые «интернационалисты». В начале 1920-х гг. в Приморье, Приамурье, Забайкалье, Сибири проживало около 300 тыс. корейцев-эмигрантов, более 600 тыс. китайцев [1. Л. 38]. На июль 1921 г. в Томской губернии проживало: немцев – 12 тыс., поляков – 22 тыс., евреев – около 15 тыс. [27. Л. 126], а в 1923 г. ее населяли 64 народности [2. Л. 666].

В изданной в 1983 г. энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» частично содержится фактический материал о национальных воинских формированиях в Сибири и на Дальнем Востоке.

Первый корейский партизанский отряд под командованием Цой Пен Тхяна был образован в Зейском районе Амурской области (вел боевые действия с весны 1919 г.). Вскоре возникают корейские партизанские отряды в различных районах Приморья, Приамурья, в Забайкалье. Всего во время Гражданской войны на Дальнем Востоке действовало 36 отдельных корейских партизанских отрядов. Кроме того, подразделения корейцев находились в составе русских партизанских отрядов Дальнего Востока [6. С. 228].

10 мая 1920 г. Советом Труда и Оборона было принято решение о призыве в Красную Армию лиц нерусских национальностей Сибири, а также Туркестана и «других окраин». До этого представители указанных национальностей принимались в РККА в качестве добровольцев. Ю.И. Кораблев и М.А. Молодцыгин данный нормативный акт оценивают как «проявление твердой линии РКП (б) на привлечение к защите Социалистического Отечества угнетенных народностей, что способствовало их культурному и политическому просвещению, укреплению дружбы с другими народами» [3. С. 22].

Выводы авторов подчеркивают стремление новой власти привлечь на свою сторону народы Сибири. Решение Совета Труда и Оборона было поддержано населением. Об этом свидетельствуют данные о национальном составе воинских частей Томской губернии в 1920 г. [4. Л. 118, 137] (табл. 1).

При раскрытии понятия «другие национальности» мы исходим из того, что на территории Томской губернии несли службу в небольшом количестве украинцы, белорусы, чехи, венгры, болгары, финны, латыши, литовцы, эстонцы, китайцы, корейцы, австрийцы. Но и этот перечень не включает всех национальностей, служивших в войсках Сибири.

Таблица 1

Национальный состав воинских частей на территории Томской губернии в 1920 г.

Национальности	На 1 апреля	На 1 мая	На 1 июня	На 1 июля	На 1 августа	На 1 сентября
Общая численность	18023	32833	30348	29266 (из них комсостав – 1233)	28911	27039
русских	15287	29730	26484	24354	25050	23545
татар	1368	1679	1206	1727	1588	1233
чувашей	–	–	119	120	105	116
черемисов	–	–	112	68	58	40
поляков	–	–	–	27	30	43
немцев и мадьяр	–	–	–	–	1324	1006
немцев	–	–	–	1037	–	–
других	1368	1424	2427	2033	756	1046

Данные табл. 1 опровергают утверждение С.В. Волкова о том, что в 1919 г. до 80% красных войск в Сибири составляли бывшие пленные немцы и венгры [5. С. 234].

После создания Народно-революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР) в 1920 г. многие партизанские корейские отряды, действовавшие на территории Дальнего Востока и прибывшие из Маньчжурии, были преобразованы в корейские революционные войска (свыше 6 тыс. человек). Главкомом в мае 1921 г. был назначен Н.А. Каландаришвили, зам. главкома и членом Реввоенсовета был О Ха Мук, который с конца 1921 г. стал

тизанские корейские отряды, действовавшие на территории Дальнего Востока и прибывшие из Маньчжурии, были преобразованы в корейские революционные войска (свыше 6 тыс. человек). Главкомом в мае 1921 г. был назначен Н.А. Каландаришвили, зам. главкома и членом Реввоенсовета был О Ха Мук, который с конца 1921 г. стал

главкомом и председателем Реввоенсовета. Корейские революционные войска состояли из 4 полков и вспомогательных подразделений; в оперативном отношении подчинялись командованию НРА ДВР. Осенью 1921 г. значительная часть корейских революционных войск была переброшена в г. Иркутск и вошла в состав 5-й Армии как отдельная корейская стрелковая бригада под командованием О Ха Мука. Часть войск оставалась в составе НРА ДВР. Всего в борьбе за власть Советов в России участвовало свыше 10 тыс. корейцев [6. С. 288].

В двух корейских полках, дислоцировавшихся в сентябре 1921 г. в Иркутске, насчитывалось 1640 чел. Основной контингент полков составляли крестьяне – 65%, рабочие – 30%, интеллигенция – 5%. Партийные организации полков насчитывали 578 коммунистов из них 250 членов ВКП (б) [7. Л. 2].

В январе – августе 1919 г. были сформированы 8 китайских интернациональных отрядов и в их числе Образцовый китайский полк. Некоторые из этих отрядов вошли в состав 5-й армии Восточного фронта [6. С. 259]. Из лиц иностранного происхождения, находящихся в Сибири в феврале 1920 г., создавалась дивизия им. III Интернационала, образована была лишь 1-я бригада, в составе которой имелся 1-й интернациональный стрелковый полк под командованием И. Варги [6. С. 235]. В 1920 г. в г. Томске был сформирован губернский конный запас. В нем несли службу 94 иностранца из 111 красноармейцев [4. Л. 103]. 18 февраля 1920 г. в г. Томске был сформирован интернациональный батальон из военнопленных в составе 263 человек (190 венгров, 58 немцев и других национальностей). Военным комиссаром батальона был назначен Эмиль Брандес.

Брандес Эмиль Иосифович родился в 1894 г. в г. Мишкольц. Родители – венгры. Отец – железнодорожник. Мать – домохозяйка. После окончания экономического института Э. Брандес был мобилизован в Венгерскую армию офицером. Участник Первой мировой войны. В 1915 г. группа венгерских солдат и офицеров, в том числе Бела Кун, Брандес Эмиль и др., были взяты в плен русскими войсками. В 1916 г. Э. Брандес прибыл как военнопленный в г. Томск и был заключен в лагерь военнопленных. В 1917 г. он совместно с большевиками включился в революционную работу по закреплению советской власти в г. Томске. После свержения советской власти в г. Томске в 1918 г. вновь был взят под стражу. В лагере Э. Брандес организовал кружок «Эсперанто» и через него нелегально вел пропагандистскую работу среди военнопленных за советскую власть. Он как связной-осведомитель был связан с членом Томского подпольного большевистского комитета Г. Екишевым (подпольная кличка «Тихон»). Тихон снабжал Брандеса марксистской литературой и сведениями с Колчаковского фронта, а к приходу Красной армии снабдил сочувствующих советской власти военнопленных оружием. Э. Брандесом в лагере была организована из военнопленных дружина внутренней охраны, которая влилась в боевую дружину большевиков г. Томска и приняла участие в восстановлении советской власти в городе. В 1921 г. Брандес был переведен на должность военного комиссара 116-й отдельной строительной бригады войск ВОХР. В составе бригады он участвовал в подавлении восстаний против советской власти в районе городов Новосибирска, Славгорода, Семипалатинска, Томска. В 1921 г. был демобили-

зован и по решению ЦК РКП (б) откомандирован на работу в ведомство Ф.Э. Дзержинского. В 1922 г. после ранения умер и похоронен в г. Москве на кладбище «Девичье поле» [9. Л. 5–6].

В июне 1920 г. в 1-й Енисейской инженерной военной рабочей бригаде служили поляки, составляющие большинство личного состава [8. Л. 24]. В 26-й стрелковой Златоустовской дивизии на 1 сентября 1924 г. среди 514 командиров насчитывалось: русских – 409, украинцев – 65, латышей – 13, поляков – 10, белорусов – 5, татар – 5, евреев – 3, чувашей – 2, армян – 1 [26. Л. 82]. Таким образом, привлечения нерусских народов к службе в рядах Красной армии происходило как по линии их вовлечения в общие формирования войск Сибири и Дальнего Востока, так и по линии создания национальных воинских формирований.

К концу Гражданской войны в составе Красной армии насчитывалось: русских – 77,6%, украинцев – 13,7%, белорусов – 4%, татар, башкир, латышей и других национальностей – 4,7%. К этому времени уже функционировало 18 национальных школ, национальные формирования насчитывали около 10% личного состава Красной Армии [10. С. 10]. В ней служили представители 50 национальностей [11. С. 3].

Национальный состав партийных организаций РККА на 1 января 1924 г. представлен в табл. 2 [12. Л. 163].

Подготовку политработников для венгерских красноармейских подразделений осуществляла Венгерская партийная школа в г. Новониколаевске. В декабре 1920 г. Томский губком РКП (б) просил губвоенкомат откомандировать на учебу в школу красноармейца Мариинской караульной роты Юлиуса Ефрейнда [4. Л. 337].

Политическую работу среди военнослужащих нерусской национальности осуществляло Интернациональное отделение, созданное в 1920 г., при политотделе 5-й Армии Восточного фронта. Интернациональное отделение имело свой печатный орган – газету «Шторм», которая издавалась на иностранных языках. В центре документации новейшей истории Томской области находится копия газеты на немецком языке, изданная 22 мая 1920 г. [13].

В резолюции 3-го Всеармейского совещания (ноябрь 1923 г.) по политработе в Красной армии «Национальный вопрос и Красная армия» особое внимание обращалось на воспитание личного состава в духе братства и дружбы народов. В частности, подчеркивалось: «Нужно добиться такого понимания, когда бы каждый командир и политработник твердо усвоили, что являются представителями вооруженной силы союза равных и братских национальностей, что РККА не великорусская и не российская армия, а армия СССР» [12. Л. 5].

В частях Сибирского военного округа (СибВО) с красноармейцами нерусской национальности проводились занятия по изучению русского языка, культурно-просветительные мероприятия по приобщению представителей национальных окраин к русской и мировой культуре [14. Л. 3, 26]. Все это помогало им быстрее овладевать военным делом.

При комплектовании войск Сибири наблюдалась зависимость от национального состава областей, краев. Например, среди молодого пополнения 1926 г. войск СибВО русские составляли 91%, украинцы – 4,9, немцы

(в основном из Омской губернии) – 0,7, евреи – 0,4, татары и башкиры – 1,2, поляки – 0,5% [15. Л. 89]. В состав 26-й стрелковой дивизии входил 77-й немецкий полк [28. Л. 91 об.]. С переходом к экстерриториальному принципу комплектования национальный состав пополнения округов изменялся в сторону уменьшения

русских. Так, в воинских частях Отдельной Краснознаменной Дальневосточной Армии процент поступивших на службу русских уменьшился с 79,2 в 1931 г. до 66,5 в 1932 г. и увеличилось количество украинцев – 13,2 в 1931 г. и 15,7 в 1932 г. В 1930 г. русские составляли 74,2%, украинцы – 16,2% [16. Л. 370].

Т а б л и ц а 2

Национальный состав парторганизаций сибирских частей РККА в 1924 г.
(число военнослужащих и % от общего их количества)

Состав войск	Русских	Украинцев	Татар	Поляков	Евреев	Латышей	Белорусов	Армян	Грузин	Прочих	Всего
Политический	11282 73,8	1149 75	181 1,2	190 1,2	1358 8,8	319 2	180 1,2	108 0,7	123 0,8	408 2,7	15298 100
Командный	7107 77,5	749 8,2	100 1,1	180 1,9	231 2,6	207 2,3	130 1,4	66 0,7	39 0,4	357 3,9	9776 100
Административно-хозяйственный	3376 80	217 5,1	27 0,6	68 1,6	209 5	105 2,5	53 1,2	22 0,5	13 0,3	129 3,2	4219 100
Рядовые	7917 72,1	1244 11,1	255 2,3	180 1,6	618 5,6	142 1,3	135 1,2	143 1,3	136 1,2	232 2,3	11972 100
Итого	29682 74,9	3559 8,4	563 1,4	618 1,6	2416 6,1	773 1,9	498 1,2	339 0,9	311 0,8	1126 2,8	31265 100
Курсанты (на 1.12.1923)	75,1	7,4	1,4	3,3	2,7	17	–	0,2	0,8	7,4	100

В годы военной реформы получило дальнейшее развитие строительство национальных воинских частей и соединений. Их формирование развернулось сразу же после образования СССР. На основании решений XII съезда РКП (б) по национальному вопросу Реввоенсовет СССР в ноябре 1924 г. разработал и принял 5-летнюю программу национального строительства Красной армии, которая была одобрена в мае 1925 г. III Всесоюзным съездом Советов. Пятилетний план национального строительства РККА разрабатывала специально созданная комиссия во главе с Ф.Э. Дзержинским [17. С. 18]. Программой определялся порядок комплектования национальных воинских формирований с учетом потребности страны в обороне и реальных возможностей разрушенного Гражданской войной народного хозяйства. В Якутской АССР предусматривалось формирование территориального стрелкового полка, а в Бурят-Монгольской АССР – кавалерийского полка. В 1923 г. в ЦК РКП (б), в каждой из этих республик, губерниях Сибири прошли совещания губернских, аймачных военных комиссариатов, заседания республиканских и губернских партийных организаций.

Было решено в автономных республиках формировать батальоны и полки в составе дивизий с общим командованием, в автономных образованиях союзных республик – иметь взводы и роты в составе национальных воинских частей [11. С. 4]. Томским губкомом РКП (б) 7 декабря 1923 г. было принято постановление, определяющее политику формирования национальных частей в Томской губернии. В нем говорилось: «Принимая во внимание наличие небольшого количества мужского населения нацмен в губернии, формирование войсковых частей признать невозможным, а считать целесообразным привлечение населения нацмен к военному обучению в составе милиционно-территориальных частей отдельными войсковыми единицами, причем более успешного проведения

военного обучения нацмен провести предварительную среди них агитационную кампанию в целях разъяснения причин необходимости военного обучения» [2. Л. 666; 17. Л. 1]. Решения Томского губкома РКП (б) легли в основу деятельности местных органов власти, военных комиссариатов.

Во второй половине 1924 г. в состав СибВО входила отдельная Якутская стрелковая рота с кавалерийским взводом, Бурят-Монгольский кавалерийский эскадрон. Для подготовки младшего командного состава в декабре 1924 г. была открыта «Бурят-Монгольская национальная школа подготовки младшего командного состава при 5-й Кубанской отдельной кавалерийской бригаде» со штатной численностью 123 человека, в том числе 75 курсантов. Школа была сформирована 1 февраля 1925 г. Совет народных комиссаров Бурят-Монгольской АССР возбудил ходатайство перед Реввоенсоветом Республики о введении в штат школы одного инструктора для преподавания монгольского языка. Приказом Реввоенсовета в штат школы был включен младший лектор. Штат школы был утвержден приказом Реввоенсовета СССР № 1545 1924 года [19. Л. 3, 4, 12, 22].

В этот же период была сформирована Якутская школа младшего командного состава. Командный и преподавательский состав формировался из коренных национальностей и русских, знающих национальные языки. При комплектовании школ, национальных формирований особое внимание уделялось классовому отбору личного состава, преимущество отдавалось членам партии и комсомола. Партийно-комсомольская прослойка в Бурят-Монгольской школе составляла 32%, Якутской школе – 57, в Бурят-Монгольском эскадроне – 23, в Якутской стрелковой роте – 44% [20. Л. 57, 57 об., 58].

Для подготовки политработников в декабре 1921 г. были сформированы Корейская и Китайская секции при военно-политических курсах 5-й Армии и ВСВО.

Слушателями курсов, как правило, были рабочие и крестьяне, которые имели определенные знания и навыки партийно-политической работы. В Корейской секции на 1 января 1922 г. обучались 66 курсантов, из них рабочих – 15, крестьян – 51. В составе 37 курсантов Китайской секции было: рабочих – 23, крестьян – 3, учащихся – 11, военнослужащих – 25 и гражданских – 12, членов РКП (б) – 7, членов Китайской коммунистической партии – 2, членов РКСМ – 5 и беспартийных – 23 человека. В материальном отношении Китайская и Корейская секции обеспечивались на общих основаниях, как и курсанты военно-политических курсов 5-й Армии. Материально-бытовое положение курсантов было тяжелым. Начальник военно-политических курсов 5-й Армии писал: «Ощущается недостаток обмундирования, валенок, шинелей, белья». Имущество курсов состояло из кухни, одной повозки и лошади [21. Л. 61; Л. 42].

Занятия на курсах проводились по 10 часов в сутки. Изучались русский язык, китайская и корейская география, политико-экономический курс: введение в курс политэкономии, первобытно-родовой коммунизм, авторитарно-родовая община, феодальное общество, рабство и крепостничество, ремесленный строй и др. Лекции читались в течение 3 часов с переводом на китайский, корейский языки. После чего обсуждались в кружках под руководством руководителя группы.

Приказом Реввоенсовета 5-й Армии в июне 1921 г. было определено положение и штат Корейской партийной школы в количестве 60 курсантов. Корейская партшкола соединялась на правах секции с партшколой 5-й Армии.

Комплектование школы проводилось Дальневосточным секретариатом исполнительного комитета Коминтерна. На учебу в школу принимались коммунисты и комсомольцы, «по возможности грамотные», обнаруживающие интерес и способности к политической работе в войсках. Задачей школ была подготовка политруков для китайских и корейских воинских частей. На 20 июня 1921 г. 2/3 состава курсантов корейской партшколы имели достаточное образование для усвоения учебной программы: 17 человек со средним образованием и 10 человек окончили 4 класса средних учебных заведений.

По общеполитической подготовке школы давали знания слушателям в объеме программ губернских советских партийных школ II ступени. Основным методом обучения были собеседования и практические занятия курсантов. Программа требовала от преподавателей проводить как можно больше практических работ. Теоретический и общеобразовательный курсы для корейских курсантов разрабатывались и читались отдельно от слушателей партшколы политуправления 5-й Армии. Все учебные материалы, издаваемые школой, переводились на корейский язык. Перевод и издание учебной литературы возлагались на партшколу, политпросвет и секретариат исполкома Коминтерна Дальнего Востока.

В июне 1921 г. был избран учебно-курсовой совет Корейской секции в составе: Кожевников – заведующий партшколой; Цай – заместитель заведующего партшколой (зав. корсекцией); Александра Нам – руководитель; Степан Пак – руководитель; Шенутен и Пак

Чанной – представители от курсантов. В первый период существования школы учебно-курсовой совет осуществлял самые разнообразные функции: разрабатывал учебно-методическую документацию (программы по предметам обучения), редактировал переведенные на корейский язык издания партшколы, определял формы и методы проведения занятий и т.д. вплоть до подбора курсантов и контроля за деятельностью преподавательского состава.

В общественные организации партшколы 5-й Армии корейская секция делегировала своих представителей на общих основаниях, соблюдая, однако, правило, чтобы во всех органах школы были курсанты-корейцы.

На общем собрании курсантов 21 июня 1921 г. были избраны старшими групп и членами комиссии чистоты – Тё-Тоу-Шен и Пак Дин, представитель в культпросвет партшколы – Хон-Инхё, которому было поручено организовать культурно-просветительный кружок при корейской секции [23. Л. 3–6, 12, 13; 21. Л. 13].

Приказом командующего 5-й Армии и Восточно-Сибирского военного округа (ВСВО) Мулина № 1756 от 7 ноября 1921 г. были объявлены положение и штат китайской партийной школы в количестве 50 курсантов. В административном и военном отношениях она как секция подчинялась партшколе 5-й Армии и ВСВО.

Заведующий партшколой руководил учебной и административно-хозяйственной работой. Административно-хозяйственный состав подчинялся заведующему партшколой 5-й Армии и ВСВО. Финансирование осуществлялось за счет корейской бригады. Учебно-программная документация разрабатывалась Дальневосточным секретариатом исполкома Коминтерна. Учебно-воспитательный процесс был организован, как и в корейской партшколе [21. Л. 61]. Вся система боевой и политической подготовки строилась так, чтобы подготовить способного, технически грамотного, политического руководителя, обладающего знаниями и владеющего формами боевой и партийно-политической работы. Теоретический курс закреплялся практическими занятиями: маневрами, стрельбами, тактическими занятиями – проведением партийно-политической работы среди личного состава.

В 1925 г. для подготовки командных кадров для национальных формирований при Томской пехотной школе было открыто Якутское отделение на 25 человек (комплектовалось из 5 членов РКП (б) и 20 членов ВЛКСМ). Отделение Ленинградской кавалерийской школы с сентября 1925 г. приступило к подготовке командиров для Бурят-Монгольских воинских подразделений в количестве 28 человек (из них 8 членов РКП (б) и 20 членов ВЛКСМ) [24. Л. 324].

Кроме того, принимались меры к увеличению приема якут и бурят в другие военно-учебные заведения. В феврале 1924 г. Центральная Тюркская военно-политическая школа (г. Казань) возобновила прием курсантов численностью 60 человек. Согласно разнарядке для Сибири на курсах было выделено 5 мест. От г. Томска на учебу были откомандированы Гайнулла Тагиров и Мухаметдин Гарипов. Школа имела цели и задачи подготовить опытных политруков для тюркских национальных красноармейских частей. К поступающим на курсы предъявлялись требования «грамотность на русском и родном языке, возраст не моложе 18 лет, принадлеж-

ность к РКП (б) и РКСМ». Продолжительность учебы на курсах устанавливалась в 12 месяцев. Курсанты школы пользовались всеми видами довольствия наравне с курсантами нормальных командных школ Главного управления военно-учебных заведений РККА (ГУВУЗа) [25. Л. 35, 35 об.]. В 1929 г. была сформирована Бурят-Монгольская кавалерийская бригада с количеством личного состава: командный – 166, рядовых – 1664, коренной национальности – 872 человека [11. С. 3–5].

В связи с переходом от смешанной системы к кадровой 7 марта 1938 г. ЦК ВКП (б) принимает постановление «О национальных частях и формированиях РККА», согласно которому все эти соединения и военно-учебные заведения переформируются в общесоюзные с экстерриториальным принципом комплектования. В этом же году советское правительство принимает решение призывать граждан национальных республик

на общих основаниях и производится переформирование национальных частей и училищ на основе экстерриториального принципа их размещения и комплектования, что отвечало безопасности государства.

Изучение опыта создания национальных воинских формирований в Сибири и на Дальнем Востоке в рамках одного исследования не может быть осуществлено в полном объеме, поэтому предстоит кропотливая работа. Вместе с тем, проведенный анализ показывает, что создание национальных воинских формирований Красной армии, подготовка военных кадров в национальных военно-учебных заведениях, служба представителей различных национальностей в армии способствовали межэтническому общению, созданию единого языкового и культурного пространства России, закладывали традиции мирного совместного проживания наций и народностей, дружбы народов СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российский государственный военный архив (РГВА)*. Ф. 7. Оп. 2. Д. 693.
2. *Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО)*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101.
3. *Крушельский А.В., Молодцыгин М.А.* Становление РККА как армии дружбы и братства народов // *Боевое содружество советских республик 1919–1922 гг.* М., 1982.
4. *Государственный архив Томской области (ГАТО)*. Ф. Р-553. Оп. 1. Д. 1.
5. *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 2002.
6. *Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия.* М., 1983.
7. *ГАТО*. Ф. Р-553. Оп. 2. Д. 10.
8. *Центр документации новейшей истории Красноярского края (ЦДНИ КК)*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37.
9. *ЦДНИ ТО*. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 333.
10. *Самойленко В.Ф.* Народ и армия едины. М.: Знание, 1974.
11. *Градосельский В.В.* Национальные воинские формирования в Красной Армии (1918–1938 гг.) // *Военно-исторический журнал*. 2001. № 10.
12. *РЦХИДНИ*. Ф. 17. Оп. 60. Д. 753; Д. 1023.
13. *ЦДНИ ТО*. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 1311.
14. *ЦДНИ ТО*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1380; *ГАТО*. Ф. Р-553. Оп. 2. Д. 10.
15. *ГАТО*. Ф. Р-553. Оп. 1. Д. 103.
16. *Центр документации новейшей истории Иркутской области (ЦДНИ ИО)*. Ф. 123. Оп. 1. Д. 383.
17. *Соколов Б.В.* Красная армия в межвоенный период (1921–1941 гг.). М., 1990.
18. *ЦДНИ ТО*. Ф. 4. Оп. 1. Д. 216.
19. *Российский государственный военный архив (РГВА)*. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 809.
20. *РГВА*. Ф. 25633. Оп. 1. Д. 111.
21. *ГАТО*. Ф. Р-553. Оп. 2. Д. 2; Д. 3.
22. *ГАТО*. Ф. Р-553. Оп. 2. Д. 10.
23. *ГАТО*. Ф. Р-553. Оп. 1. Д. 14.
24. *РГВА*. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 768.
25. *ЦДНИ ТО*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117.
26. *ЦДНИ КК*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 737.
27. *ЦДНИ ТО*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50.
28. *ГАТО*. Ф. Р-553. Оп. 1. Д. 112.

Статья представлена кафедрой отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 18 октября 2003 г.